

УДК 34
ББК 67.75

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия) ORCID – 0000-0001-5704-4467

Основой формирования эффективной модели уголовного закона, безусловно, должны быть базовые общетеоретические положения, лежащие в основе построения правовой системы государства в целом и отдельных отраслей, институтов в частности. Концептуальной основой в этом случае являются «правовые принципы» как фундаментальная правовая категория. В настоящей статье автор анализирует содержание уголовно-правовых принципов: законность, справедливость, равенство, гуманизм и виновная ответственность. Принимая во внимание фундаментальное значение и обобщенное содержание правовых принципов, автор констатирует необходимость в формировании правил моделирования закона, которые основываются на принципах, однако имеют утилитарный характер и могут непосредственно применяться в законотворческом процессе. Это принципы формальной определенности, согласованности, соразмерности, обоснованности, аналогичности, дифференциации, ограниченной трансформации вины.

Ключевые слова: принципы права, уголовный закон, теоретическая модель уголовного закона, экономическая деятельность.

IMPLEMENTATION OF LEGAL PRINCIPLES IN THE FORMATION OF A THEORETICAL MODEL OF CRIMINAL–LEGAL PROTECTION OF ECONOMIC ACTIVITY

A. A. Korennaya

Altai state University (Barnaul, Russia) ORCID – 0000-0001-5704-4467

The basis for the formation of an effective model of criminal law must certainly be the basic general theoretical provisions underlying the construction of the legal system of the state as a whole and individual branches and institutions in particular. The conceptual basis in this case is the «legal principles» as a fundamental legal category. In this article, the author analyzes the content of criminal law principles: legality, justice, equality, humanism and culpable liability. Taking into account the fundamental importance and generalized content of legal principles, the author states the need to form rules for modeling the law, which are based on principles, but have a utilitarian nature and can be directly applied in the legislative process. Such rules are: formal certainty, consistency, proportionality, validity, analogy, differentiation, limited transformation of guilt.

Keywords: principles of law, criminal law, theoretical model of criminal law, economic activity.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2024\)4.10](https://doi.org/10.14258/ralj(2024)4.10)

В действующем российском уголовном законе правовые принципы получили нормативное закрепление, что, безусловно, необходимо оценить положительно, поскольку это предполагает их двуединое применение: как уголовно-правовых норм, подлежащих непосредственному применению на основе их буквального значения и толкования и как общих идей правового регулирования, которым должны соответствовать любые формируемые нормы. Принципы определяют

внешнюю форму и содержание уголовно-правовой нормы, выступают ограничительными рамками для законодателя. Именно в этом проявлении они применяются при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности.

В юридической литературе содержание принципа законности раскрывается в двух направлениях, которые условно можно назвать материальным и процедурным. Первая группа относится к формированию самого уголовного закона, его содержанию, вторая — к необходимости неукоснительного его соблюдения. Так, С. С. Пирвагидов и Ю. Е. Пудовочкин раскрывают принцип законности путем указания на ряд обязательных требований: соответствие уголовного закона общепризнанным принципам и нормам международного права, соответствие уголовного закона Конституции РФ, установление преступности и наказуемости деяний только уголовным законом, что предполагает полную кодификацию уголовно-правовых норм, которая устанавливает уголовную ответственность за совершенное противоправное деяние, установление преступности и наказуемости лишь в отношении общественно опасных деяний [1, с. 84].

Н. А. Лопашенко выделяет следующие черты принципа законности: преступность деяния может быть установлена только в уголовном законодательстве, законодателем очерчены признаки каждого преступления, элементы его состава, к лицу, виновному в совершении преступления, могут быть применены лишь указанные в законе наказания. Все иные (наряду с наказанием) уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления также определены только в уголовном законе [2].

А. В. Наумов в качестве основного указывает на требование определенности уголовно-правового запрета в качестве основного элемента принципа законности [3, с. 91]. Для рассматриваемой группы преступлений указанное, по нашему мнению, является основным. Нарушение принципа формальной определенности применительно к уголовно-правовому запрету можно рассматривать как нарушение принципа законности в его классическом понимании: *nullum crimen sine lege*. Уголовно-правовой принцип правовой определенности «*lex certa*» должен быть поставлен «во главу угла» при оценке конституционности уголовно-правовых предписаний [4, с. 89].

При формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности в качестве основы принимаются материальные признаки принципа законности. Применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности реализация материального принципа законности имеет особенности, а сам УК РФ не всегда ему соответствует. Формой реализации принципа законности при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности являются правило определенности (формальной, правовой) уголовного закона и правило согласованности уголовного и специального законов. Указанные правила как форма реализации принципа законности находят свое выражение в следующем.

Формулирование диспозиций статей уголовного закона с использованием бланкетного способа описания признаков состава преступления должно осуществляться в строгом формальном и содержательном соответствии с положениями специального законодательства. В юридической литературе отмечается, что принцип законности, закрепленный в ч. 1 ст. 3 УК РФ, не в полной мере охватывает случаи бланкетных диспозиций норм уголовного закона [5, с. 23]. Особенно опасна, по мнению Н. И. Пикурова, «двойная бланкетность, при которой цепь отсылок настолько удаляет адресата нормы от содержания, что может привести к утрате возможности осознать пределы уголовно-правового запрета» [6, с. 59]. В юридической литературе при рассмотрении вопроса о неизбежной бланкетности и возникающей в связи с этим угрозе нарушения принципа законности представлена позиция, согласно которой принцип законности необходимо изменить таким образом, чтобы он охватывал в качестве источников уголовного права, помимо УК РФ, иные законодательные акты, определяющие преступность деяния и его уголовно-правовые последствия [7, с. 45]. Л. Д. Гаухман предлагал дополнять текст УК РФ специальным приложением, включающим исчерпывающий перечень нормативных актов, положения которых составляет бланкетное содержание уголовно-правовых норм [8, с. 115], что, безусловно, представляется крайне затруднительным ввиду большого объема как законов, так и подзаконных актов. В данном случае, полагаем, прав Н. И. Пикуров, указывающий, что при значительном массиве подзаконных актов, имеющихся в других отраслях права, «невозможна и детализация бланкетных признаков лишь с помощью федеральных законов» [9, с. 26].

И. В. Шишко придерживается иной позиции, согласно которой все признаки состава преступления с бланкетными диспозициями описаны в уголовном законе как обобщающие, в них непосред-

ственно заключена связь с иными отраслями, к которым и следует обращаться для уяснения указанных признаков [10, с. 44].

Позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу представляется определенной. В нескольких Постановлениях Конституционный Суд РФ подчеркнул, что принцип правовой определенности не исключает введения в уголовный закон бланкетных норм, которые для уяснения терминов требуют обращения к нормативному материалу других правовых актов. Сам по себе бланкетный характер нормы не может свидетельствовать о ее неконституционности, поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение. Поэтому степень определенности используемых в законе понятий должна оцениваться исходя не только из самого текста закона, его формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений. Конституционность же бланкетной конструкции как таковой не ставится под сомнение и в случаях, если нормы, несоблюдение которых влечет уголовную ответственность, установлены подзаконными актами [11]. Аналогичная позиция ранее была изложена в нескольких актах Конституционного Суда РФ [12]. Источники бланкетных диспозиций, в понимании Конституционного Суда РФ, имеют непосредственное отношение к вопросам криминализации или декриминализации общественно опасного деяния, наряду с уголовным законом [13, с. 48].

Бланкетность уголовно-правовых норм, в том числе о преступлениях в сфере экономической деятельности, неизбежна. Иное приведет не только к необоснованному количественному увеличению уголовного закона, но и потребует его постоянных изменений при корректировках специального законодательства. Последнего гипотетически возможно избежать в случае придания уголовно-правовой норме самостоятельного значения и наполнения терминов иных отраслей права специфическим уголовно-правовым значением. В этом случае мы сталкиваемся с другой очевидной проблемой — возможной рассогласованностью регулятивных и охранительных норм.

Представляется, что при формулировании подобных норм в целях соблюдения правила о формальной определенности отсылка к специальным (регулятивным) нормам в целях соблюдения принципа законности должна осуществляться:

- с соблюдением терминологии специального законодательства как в части используемых терминов, так и их содержательного наполнения. В действующей редакции гл. 22 УК РФ указанное положение соблюдается не всегда. Например, в ст. 170 УК РФ до настоящего времени установлен запрет на регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости. В соответствии с положениями гражданского законодательства регистрация сделки и регистрация права, возникающего из сделки, — разные регистрационные действия (ст. 131 ГК РФ, ст. 4 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ). Обязательная регистрация сделок предусмотрена в ограниченных случаях (договор аренды сроком более одного года, договор аренды предприятия, договор лизинга, долевого участия, безвозмездного пользования объектами культурного наследия). В отношении прочих объектов недвижимости установлены правила о регистрации перехода права собственности. Несоответствие нормы уголовного права нормам специального законодательства влечет нарушение принципа законности как по требованию формальной определенности, так и в связи с нарушением запрета на применение уголовного закона по аналогии [14, с. 74];
- на основании вышеизложенной позиции Конституционного Суда РФ, реализация принципа законности выражается в обобщающих формулировках (незаконность, неправомерность и т. д.). Вторая особенность принципа законности в свете бланкетности диспозиций — интеграционный характер рассматриваемого принципа, предполагающий его реализацию в других отраслях права.

Принцип справедливости реализуется в трех направлениях применения уголовного права: при формировании круга общественно опасных деяний, при назначении наказания и при определении санкции. Справедливость — категория универсальная, являющаяся предметом осмысле-

ния во многих науках гуманитарного цикла. В советском энциклопедическом словаре подчеркивалось, что справедливость — требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, между преступлением и наказанием [15]. Общее понимание справедливости позволяет определить ее сущностное качество — соразмерность, а применительно к уголовному закону можно дополнить указанием на обоснованность криминализации и декриминализации.

Обоснованность уголовного закона неоднократно являлась предметом научных исследований [16, с. 24]. В рамках настоящей темы обоснованность закона как форма реализации принципа справедливости рассматривается в двух аспектах: материальном и процедурном.

Материальное значение обоснованности уголовного закона предполагает необходимость установления особенностей общественной опасности негативного преступного поведения как единственного принципа криминализации. Как отмечала Н. Ф. Кузнецова, уголовный закон должен быть криминологически обоснован, т. е. нацелен на сокращение преступности исходя из ее уровня, динамики, структуры и прогноза [17, с. 74].

Помимо прочего, согласимся с авторами, указывающими, что уголовный закон должен быть экономически обоснован, чтобы он, с одной стороны, действительно охранял материально-имущественные и хозяйственные отношения, а с другой — своевременно учитывал возросшие в условиях перехода к рынку возможности возмещения причиненного материального ущерба средствами гражданского, налогового, финансового, таможенного законов [18, с. 840].

Процедурно обоснованность уголовного закона проявляется в формировании правил криминализации, выборе и закреплении криминообразующих признаков составов преступлений, основанных на ранее выявленных характеристиках общественной опасности.

Требование соразмерности применимо ко всем этапам и результатам теоретического моделирования. В общеправовом значении соразмерность — это правовое средство, применяемое для разрешения конфликтов между определенным правом и «конкурирующими» с ним правами и интересами. Ядром этого правового средства является техника балансирования, направленная на то, чтобы защищаемое право одного лица было уравновешено с иными признанными правами и законными интересами [19, с. 87]. В уголовно-правовом значении соразмерность имеет свои особенности, однако во всяком случае определяется общим значением соразмерности как соответствия явлений, процессов, объектов по определенным параметрам. Правило соразмерности как форма реализации принципа справедливости на первом этапе теоретического моделирования предполагает выбор объема и характера ограничений, которые применяются к лицу, допустившему негативное поведение, что формализуется в правилах межотраслевой дифференциации ответственности. Далее установление характера, степени и оснований общественной опасности позволяет выбрать соразмерные (соответствующие) им криминообразующие признаки. Конституционным условием, соблюдение которого призвано обеспечивать соразмерность, а также пропорциональность применяемых в отношении лица, совершившего преступление, мер уголовно-правового воздействия, является дифференциация уголовной ответственности [20, с. 68]. В этой связи правило о соразмерности реализуется при внутриотраслевой и видовой дифференциации ответственности.

Принцип равенства граждан перед законом, закрепленный в УК РФ, является уголовно-правовой конкретизацией конституционного принципа, провозглашенного ст. 19 Конституции РФ. Он реализуется в законодательном равенстве всех граждан понести уголовную ответственность за совершение преступления и не относится ни к назначению наказания, ни к его отбыванию [21, с. 134]. Содержание ст. 4 УК РФ ограничивается, таким образом, нормативным определением принципа равенства и является узким, фиксируя лишь социально-демографическое равенство субъектов, совершивших преступление при привлечении к уголовной ответственности. В юридической литературе также справедливо обращено внимание на то, что в ст. 4 УК РФ субъектный состав необоснованно ограничен лицами, совершившими преступление: из круга лиц исключены другие участники уголовно-правовых отношений, в том числе и потерпевшие [22, с. 48]. В науке принцип равенства предложено понимать в нескольких аспектах, в том числе равенство правовой защищенности; равенство субъектов по отношению к предмету уголовно-правовой охраны и общественно опасному поведению, выраженному в нормах уголовного закона [23, с. 69].

Уголовно-правовое значение принципа равенства не сводится к формальному равенству и необходимости претерпеть негативные последствия в равном объеме с лицами, совершившими аналогичное деяние. Принцип равенства в общем виде сформулирован еще Аристотелем: относитесь к подобным случаям как к подобным [24]. Уголовно-правовой принцип равенства реализуется по различным параметрам, первый из которых — определение, между кем должна быть реализована идея равенства (параметр субъекта).

Изложенное позволяет сделать вывод, что принцип равенства при формировании теоретической модели реализуется в правилах дифференциации и аналогичности.

Дифференциация и аналогичность обеспечиваются по нескольким направлениям:

1) содержание уголовно-правового запрета, в том числе применение криминообразующих признаков, а также его структурное размещение в уголовном законе;

2) размер и вид наказания;

3) возможность либо невозможность освобождения от уголовной ответственности;

4) применение иных мер уголовно-правового характера. Применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности вопросы вызывает институт освобождения от уголовной ответственности. Введение ст. 76.1 УК РФ поддержано не всеми учеными. Освобождение от ответственности в связи с возмещением рассматривается как возможность «откупиться» от уголовной ответственности закон связывает только с имущественным положением виновного, нарушая тем самым принцип равенства всех перед законом [25, с. 14]. Схожая критика высказывается и в отношении судебного штрафа: в соответствии с положениями УПК РФ, судебный штраф назначается лицу, совершившему преступление, только в случае, если такое лицо имеет возможность его оплатить. Представляется, что такая норма закона ставит в неравное положение граждан в зависимости от уровня их материальной обеспеченности. Введение судебного штрафа как мера расширения инструментария уголовно-правового воздействия, хотя и экономически обосновано, но неэффективно с точки зрения профилактики преступности [26, с. 44].

Нарушения при установлении возможности освобождения в связи с возмещением ущерба или назначением судебного штрафа нет, так как учитывается специфика преступлений. Однако есть нарушения в самой действующей редакции ст. 76.1 УК РФ, выражающейся в установлении различных условий освобождения в отношении лиц, совершивших налоговые и прочие экономические преступления. Изложенное относится ко второму аспекту принципа равенства. Согласимся с В. В. Мальцевым, указывавшим, что равенство граждан перед уголовным законом предполагает не только одинаковые основания уголовной ответственности, единую юридическую квалификацию одинаковых (одного вида) общественно опасных деяний (это лишь внешние границы равенства), но и точную с учетом внутривидовых свойств деяния меру ответственности. Это внутренние параметры равенства, его глубина, достигаемая при индивидуализации наказания [27, с. 38]. Таким образом, принцип равенства формализуется в двух правилах — дифференциации и аналогичности.

Принцип гуманизма, закрепленный в ст. 7 УК РФ, если исходить из буквального ее понимания, имеет двуединую природу «на обе стороны»: одна обращена к потерпевшим от преступления — реальным или возможным; другая — к преступнику [28, с. 18], что обуславливает поиск баланса между требованием обеспечения безопасности и ограниченностью уголовно-правового воздействия.

Первое достигается, в первую очередь, путем формирования уголовного закона, в котором учитывается специфика реальных экономических отношений, а уголовно-правовые нормы являются отражением реальных форм негативного преступного поведения.

Второе направление — экономия уголовно-правового воздействия, потребность в которой в настоящее время очевидна и обусловлена свободным характером экономической деятельности. При изучении принципа экономии уголовной репрессии как принципа уголовного права ряд ученых делают акцент на самой возможности привлечения к уголовной ответственности лишь в случае, если иным путем недостижимы цели исправления и превенции [29, с. 22]. В узком смысле принцип экономии уголовной репрессии рассматривают только в рамках привлечения виновного к уголовной ответственности и выбора формы ее реализации [30, с. 76].

В соответствии с принципом вины (ст. 5 УК РФ) лицо подлежит уголовной ответственности лишь за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Вина выступает системообразующим

фактором, связывающим воедино представления об основаниях, пределах и целях уголовной ответственности, а также является необходимым звеном в осознании места уголовного права в системе социального контроля, «служит важнейшей общефилософской предпосылкой обоснования необходимости и пределов регулятивного воздействия уголовного права на общественную жизнь [31, с. 13]. Принципы вины предполагают, что лицо несет уголовную ответственность только за фактические действия (бездействия), которые соотносятся с его сознанием, желанием и намерением, либо при неосторожной форме вины при осознании характера деяния и его возможных последствий [32, с. 49]. Осознание содеянного и/или его желание во всяком случае предполагают, что лицо достоверно понимает содержание осуществляемого им негативного экономического поведения. Установление вины в этой связи невозможно в отсутствие определенно сформулированного уголовно-правового запрета. Следовательно, принцип вины реализуется посредством соответствия уголовно-правового запрета правилу формальной определенности, однако им не исчерпывается.

Правило субъективного вменения, предусмотренное ст. 5 УК РФ, предполагает обеспечение возможности для лица определять границы дозволенного поведения. Реализация рассматриваемого принципа предполагает, что уголовный закон сформулирован таким образом, что его содержание определено и понятно, во всяком случае, исходя из буквы закона. Указанное определяет, что принцип вины реализуется посредством правила определенности уголовного закона, о котором речь шла выше. Однако принцип вины не исчерпывается правилом о формальной определенности. Он получает свое развитие в положениях ст. 24–28 УК РФ, исходя из содержания которых следует, что вина в уголовном праве существенно отличается от вины в иных отраслях права, которые в силу использования бланкетного способа описания составов преступления являются обязательными для установления содержания уголовно-правового запрета. Таким образом, учитывая, что уголовно-правовой запрет является логичным завершением комплекса ответственности за негативное поведение в экономической деятельности, принцип вины находит свою реализацию в правиле трансформации вины. Значительная часть уголовно-наказуемых деяний по своему содержанию является развитием или масштабированием нарушений, ответственность за которые предусмотрена иными отраслями права. Межотраслевая дифференциация ответственности осуществляется по стоимостным признакам, признаку повторности совершения противоправного деяния, в редких случаях по значимости общественных отношений. Однако, если в административном праве понимание вины схоже с ее уголовно-правовым значением, то в гражданском праве категория вины и виновности имеет существенные отличия. До принятия части первой ГК РФ вина в гражданском праве определялась как психическое отношение лица к совершенным противоправным действиям и наступившим последствиям, т. е. значения понятия «вина» в гражданском и уголовном праве имели схожее понимание. В настоящее время в соответствии со ст. 401 ГК РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Таким образом, понятие виновности определяется через понятие-антипод — невиновность. В доктрине гражданского права подобный подход именуется поведенческой или объективистской концепцией вины. Ее сторонниками, в частности, являются Е. А. Суханов [33, с. 13], В. В. Витрянский [34, с. 18], С. А. Параскевова [35, с. 28], Н. В. Козлова [36, с. 21]. Поведенческий подход к определению вины означает, что вина предполагается во всех случаях, если лицо не предпринимало все необходимые и достаточные меры для надлежащего поведения. Несмотря на законодательную формулировку и научную поддержку, поведенческая концепция вины в гражданском праве не является абсолютной. В юридической литературе критикуют ст. 401 ГК РФ, так как она не дает прямого определения вины, в указанной норме речь идет о признании деликвента невиновным, т. е. о некоем итоговом результате определенного исследовательского процесса [37, с. 189]. В этой связи указывается, что данная норма ст. 401 ГК РФ не должна быть ориентиром для поиска легального определения вины, а определение понятия вины в гражданском праве следует искать в теории или практике [38, с. 47].

Таким образом, понимание вины в гражданском праве существенно отличается от ее уголовно-правовой трактовки. Вина в деликтном обязательстве определяется через фактическое действие либо бездействие лица, обладающего автономной волей в силу общей или специальной правоспособно-

сти. При привлечении к уголовной ответственности за деяния, которые первоначально являлись гражданско-правовыми деликтами, происходит трансформация поведенческой вины в вину психологическую (субъективистскую). Однако подобная трансформация должна иметь ограниченный характер, обусловленный запретом объективного вменения в уголовном праве. Таким образом, уголовно-правовой принцип вины при формировании теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности реализуется в двух правилах: формальной определенности и ограниченной трансформации вины.

Итак, подводя итог, сформируем модельные правила, применяемые на каждом этапе формирования теоретической модели уголовно-правовой охраны экономической деятельности, посредством которых реализуются нормативно закрепленные уголовно-правовые принципы. Таким правилами являются: формальной определенности, согласованности, соразмерности, обоснованности, аналогичности, дифференциации, ограниченной трансформации вины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
2. Лопашенко Н. А. Введение в уголовное право: учебное пособие. М., 2009. URL: https://books.google.ru/books/about/Введение_в_уголовное.html?hl=ru&id=vc_o3OТНKXsC&redir_esc=y.
3. Наумов А. В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. С. 91–92.
4. Кауфман М. А. Конституционный принцип законности: уголовно-правовой аспект // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 4.
5. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб. : Юридцентр Пресс, 2002.
6. Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография. М. : РАП, 2009.
7. Аюпджанова М. О. Проблемы применения действующего уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2013. № 11.
8. Гаухман В. П. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003.
9. Пикуров Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография.
10. Шишко И. В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 817-О/2022 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Люлинского Артема Хаимовича на нарушение его конституционных прав статьей 1853 Уголовного кодекса Российской Федерации, пунктом 2 части 1 и частью 2 статьи 5 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишниковой, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2011 № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э. В. Савенко».

13. Сыч К. В., Ищук Г. В. Принцип законности в связи с проблемой бланкетных диспозиций в уголовном праве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4.
14. Коренная А. А. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы уголовной ответственности (ст. 170 УК РФ) // Искусство правоведения. 2023. № 4. С. 74–81.
15. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/>.
16. Плохова В. И. Криминологическая и правовая обоснованность составов ненасильственных преступлений против собственности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург. 2003. 387 с.
17. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002.
18. Досаева Г. С., Решетняк К. В. Принцип справедливости в уголовном праве России // Экономика и социум. 2017. № 3.
19. Меллер К. Принцип соразмерности: в ответ на критику // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4.
20. Гузеева О. С. Конституционные начала соразмерности и пропорциональности уголовного наказания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3.
21. Дмитриев Д. Б., Донская О. Г. Принцип равенства в уголовном праве России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3.
22. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002.
23. Городнова О. Н. Принцип справедливости в уголовном праве сквозь призму гуманизма и равенства граждан перед уголовным законом // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 144.
24. Аристотель. Никомахова этика. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Nikomakhova.pdf.
25. Жуков А. П., Жукова Т. Г. К вопросу о реализации конституционного принципа равенства всех перед законом в уголовном законодательстве // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2.
26. Бархатова Е. Н. Принципы уголовного закона и уголовно-правовые нормы: неочевидные противоречия // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3.
27. Мальцев В. В. Принцип равенства граждан перед уголовным законом // Уголовное право. 2002. № 3.
28. Побегайло Э. Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики: материалы III Международной научно-практической конференции (Краснодар, 28–30 сентября 2012 года): в 2 т. / под ред. А. Н. Ильяшенко. Т. 1. Краснодар: Краснодарский университет МВД России? 2012.
29. Демидов Ю. А. Основные принципы советского уголовного права // Вопросы борьбы с преступностью. М. : Юридическая литература, 1969. Вып. 9.
30. Библик О. Н. Культурная обусловленность уголовного наказания. М. : Юрлитинформ, 2013.
31. Гребенюк А. В. Вина в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
32. Майстеренко Г. А. Принцип вины в уголовном праве: содержание и значение // Образование и право. 2021. № 6.
33. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ВолтерсКлувер, 2004.
34. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. М. : Статут, 1999.
35. Параскевова С. А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения (теоретические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
36. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут, 2005.
37. Ровный В. В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1999.
38. Коновалов С. А. Основания гражданско-правовой ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.